

КАЗАНСКАЯ КОНСЕРВАТОРИЯ – ОПЛОТ ТРАДИЦИЙ И ИСТОЧНИК НОВАЦИЙ

БРАГИНА Н.Н.

Автор предлагаемого материала – доктор культурологии **Н.Н. Брагина**, в прошлом – преподаватель музыкально-теоретических дисциплин с 25-летним стажем работы в музыкальном училище и ДМШ. Увлечение Натальи Николаевны – культурный туризм. С этим намерением она побывала в середине марта в Казани, получив, однако, и особое поручение нашей редакции. Итогом поездки стал развернутый репортаж: описание действующего в Казани образовательного кластера – связанного комплекса учреждений музыкального образования от нижнего до высшего звена.

...В Казань я поехала, чтобы погулять по городу, в котором раньше не бывала, походить по музеям, посмотреть храмы и мечети. Хотелось познакомиться и с музыкальной жизнью столицы Татарстана, посетить Казанскую консерваторию, о которой хорошо известно как об учебном заведении с прекрасными традициями, остающемся сейчас, когда музыкальное образование переживает глубокий кризис, активно действующим культурным центром огромного региона.

Итак, первым пунктом моего знакомства с Казанью стало посещение консерватории. Уже само здание произвело сильное впечатление: только что отремонтированное, светлое, чистое, с просторными аудиториями и залами, с торжественной тишиной высоких коридоров, которую лишь подчеркивают приглушенные звуки музыки, доносящиеся из классов. Наверное, если вообразить современный храм искусства, то он должен быть именно таким.

*Меня любезно принял и согласился побеседовать ректор консерватории **Рубин Кабирович Абдуллин**, несмотря на то, что человек он крайне занятой. Свою высокую административную должность профессор Абдуллин совмещает с преподаванием – он заведующий кафедрой органа, клавирина и арфы – и активной концертной деятельностью, будучи известнейшим органистом, народным артистом России и Татарстана.*

- Рубин Кабирович, чем живет сегодня Казанская консерватория, какие проблемы решает?

- Самая большая проблема, я надеюсь, уже позади. Наша печаль была велика в 2006 году, когда в этом замечательном здании случилась авария. Последовал приказ министра культуры, который фактически запрещал проведение учебных занятий в аварийном здании. Поскольку все это происходило в апреле, у меня просто опустились руки, ведь если заниматься негде, то нам нельзя осуществлять прием. Конечно, это сказывалось на настроении всего коллектива. Мы привыкли к этому зданию, к своему дому, много лет в нем проработав. Но, к счастью, у консерватории оказалось больше друзей, чем нам казалось ранее. Было принято решение выделить консерватории на время ремонта два здания. Одно из них – то, в котором консерватория когда-то родилась, на улице Пушкина, куда все с удовольствием поехали, а второе – это здание, которое занимал Горздрав, там когда-то было медицинское училище. И хотя мы переехали в помещения, которые были, прямо скажем, не менее аварийными, отношение властей воодушевило

нас. Затем, конечно, последовали очень трудные выяснения обстоятельств, какие деньги нам нужны: экспертиза, смета... - и я понял, что вступаю в период жизни, когда мне опять придется быть отчасти строителем, потому что «эту историю» уже проходил с нашим Большим концертным залом. Три года длился ремонт и было трудно, потому что хотелось уложить в старое здание новую идею музыкального учреждения. Без поддержки власть предержащих структур ничего бы не удалось сделать. Да, мне приходилось умолять, уговаривать, убеждать, требовать, ждать решений и сомневаться, будут ли они. Было письмо нашему прежнему главе республики Минтимеру Шаймиеву, было письмо министру культуры Татарстана, много других обращений. И знаете, срабатывал авторитет Казанской консерватории, наработанный за многие годы. Все, кто принимал в наших делах участие, решили, что нам надо помочь.

- Кто вам больше способствовал: федеральные или республиканские власти?

- Конечно, основное финансирование мы получили от федерального министерства культуры. Но без глубокого понимания со стороны властей Татарстана к этому центру культуры, конечно, не было бы полноценного решения. Сейчас мы только-только завершаем акт о приемке здания. Еще много мелочей, недоделок, хотя в целом все готово и все работает. Мы заложили очень много идей в здание консерватории. Это, например, акустическая обособленность каждого помещения с учетом условий работы. У нас получились неплохие Малый и Органный залы, оркестровый репетиционный зал, в котором помещается даже тройной состав симфонического оркестра. Мы подняли здание на 70 сантиметров, и эти сантиметры дали нам возможность разместить мансарду. Подвальный этаж мы углубили примерно на столько же, и теперь имеем полноценное хранилище для всей библиотеки. Мы получили дополнительно около тысячи квадратных метров. Конечно, пришлось повозиться с различными согласованиями в организациях по охране памятников, ведь здание консерватории – памятник архитектуры, и что-то в нем можно изменить, а что-то – категорически нельзя. Словом, продолжаем трудиться. Но консерватория работает в полноценном режиме, без каких-либо помех.

- Сейчас все очень озабочены проблемой реформы образования, особенно в той его части, которая задевает нашу специфику. Я знаю, что в Казанской консерватории разработана система плотной взаимосвязи трех уровней музыкального образования - образовательный кластер. Расскажите об этом подробнее, ведь сохранение связности нашей системы волнует практически всех музыкальных педагогов.

- Что здесь говорить - эта система была разработана, можно сказать, нашими предками. И я считаю, что нет ничего более полезного, чем обратиться к опыту предшественников, к традиции. Тем более что само слово «консерватория» подразумевает консерватизм в самом лучшем смысле, то есть сохранение всего ценного. Но этот принцип, к сожалению, мало используется действующей реформой образования. Там много так называемых инноваций, но я не могу считать инновациями прямое подражание западным системам. У нас другая страна. Почему мы должны что-то изменять во имя того, чтобы нас признали? Нас уже давно признали! Ко мне не обращался ни один из наших выпускников, кто давно работает, например, в США, в Израиле, в других государствах, за подтверждением диплома. Их просто спросили: «Как вы играете на скрипке?» Они показали: вот так мы играем. В ответ - «пожалуйста, садитесь вот в этот оркестр» или «идите преподавать вот в этот университет». И все. И почему нам теперь надо все перевернуть вверх дном, а потом хлопать себя по карманам в поисках денег? Ведь не

исключено, что уже скоро Мариинка или Большой театр будут покупать артистов за рубежом. Вот тогда настанет момент озарения авторов реформы: для чего все это нужно было - чтобы все разбазарить и потерять? Самым негативным образом на положение дел в образовании повлияло решение, которое принято было много лет назад, когда все детское художественное образование присоединили к системе дополнительного. Вместо того чтобы уничтожить нашу «основу основ» - музыкальную школу, с нее надо бы сделать слепок для общей системы образования, ведь именно она дала в течение 150 лет бесспорно замечательные результаты.

- Я с вами абсолютно согласна. Но можно ли еще восстановить традицию, не разрушена ли она окончательно?

- Надеюсь. Опубликованное в начале марта известное открытое письмо о фактической гибели учебных заведений творческой направленности, обращенное к президенту и правительству, министру культуры России, подписали и Олег Табаков, и Николай Петров, и Владимир Спиваков, и Владислав Казенин, то есть известные личности и авторитетные специалисты: куда уж дальше? Я вообще считаю, что нельзя со стандартами, пригодными, скажем, для технического вуза, прийти в консерваторию, в музыкальное, художественное или театральное училище. Главное, что в творческих вузах спаяно воедино, это практический опыт, который переходит в педагогику. Преподают ведь обычно люди с большим концертным или театральным-сценическим опытом, художники со своим неповторимым авторским письмом: они передают мастерство молодым, и все это по большей части «устная традиция». Недаром же у нас индивидуальное обучение. Да, у нас соотношение 4 и 3 к одному, то есть на одного преподавателя не более четырех учеников, вместо восьми – двенадцати в обычных университетах. Но это ведь и дает результат! И те же западные коллеги нам говорят: «Делайте, что хотите, но оставьте себе свою систему». Реформаторы не там, а здесь, у нас, в нашем государстве. И с такой настойчивостью пилится сук, на котором мы сидим, что диву даешься!

- А как озабочены, более того – в ужасе от происходящего провинциальные педагоги: в школах, училищах, которые порой находятся на грани закрытия!

- Мы тоже с большим волнением следим за этим. Вот пример: на моем курсе училось восемь ребят и еще несколько девушек композиторов. А что сейчас? Если в консерваторию поступил один талантливый композитор, мы готовы чуть ли не стоя аплодировать! Во многих средних специальных учебных заведениях упразднены теоретические отделения, закрыты или слиты воедино многие музыкальные школы. При этом одни из них относятся к системе образования - там одни требования и одни, что тут скрывать, зарплаты, а другие школы относятся к культурному ведомству, и там все другое. А есть еще муниципальные школы. То есть все, что последовало за законотворчеством, которое так успешно ранее осуществила Госдума, способствовало развалу системы.

Мне кажется, что нужна воля очень высокого должностного лица, которое могло бы принять решение об отнесении системы художественного образования целиком в ведение Министерства культуры и имело вотум доверия со стороны Министерства образования. Не вмешивайтесь и не мешайте работать! Дайте нам произвести эту реформу самим! Мы много работаем над тем, чтобы она была совершенной. Наш

главный принцип – не причинить вреда, не испортить, не поломать, сохранить то ценное, что произвела эта система за многие годы.

- Видимо, дело в том, что в Госдуме эти решения принимают люди, которые не знают изнутри нашей специфики?

- Конечно. В профессии музыканта, художника или театрального деятеля как минимум есть та прелесть конечного продукта, когда артист выходит на сцену и поражает всех легкостью музыкальной или драматической игры, танца, естественностью поведения и интонации, и ни у кого не возникает ощущения, какой тяжкий труд стоит за всей этой легкостью. Для того чтобы танцовщик совершил «полет над сценой», требуется невероятный труд. То же самое у музыкантов. Это люди, обделенные детством. Вот все идут в футбол играть, а ты играешь гаммы. Как на это реагировать? Кажется, что несправедливо. Но на самом деле у этих детей есть свои преимущества.

- Что это за преимущества и велики ли они?

- За долгие годы работы я пришел к выводу, что люди, которые получили музыкальное образование, освещены изнутри, у них другое отношение к жизни. Они почти всегда добрее. Я не проводил социологических исследований, но убежден, что эти люди даже более законопослушны: контингент таких людей в криминальных структурах минимален. Есть, конечно, исключения из правил, но музыка определенно дает основы добра, гармонии, красоты, которые, как невидимая оболочка, защищают не только того человека, который ею занимается, но и всех вокруг него и все, на что он распространяет свои музыкальные чары. Я бы даже больше сказал. У нас ведь такой беспокойный мир: с террористической угрозой, со вспыхивающими социальными конфликтами, с переделом собственности, и со всеми этими коллизиями трудно сладить. Человек точит нож против самого себя, вместо того, чтобы обратиться к себе, глубоко внутрь, и спросить: что тебе надо? Может, послушаешь, например, вот этот прекрасный хор или вот этот прекрасный оркестр и услышишь что-то о себе другое?

Мне кажется, что музыку можно расценивать как глобальную систему безопасности! Она выполняет эту функцию. Другое дело, что она сама беззащитна, она тихая, она не требует реформирования. Она сама по себе гармонична и сама себя очищает. Художественное творчество – самоочищающаяся система. Она отторгает чужеродные элементы и опирается только на лучшее, даже в самые трудные времена. Я вспоминаю начало 90-х годов. У нас в Казанской консерватории тогда был замечательный профессор Семен Абрамович Казачков, воспитанник Ленинградской консерватории, который работал здесь почти с основания и создал кафедру, создал также замечательный коллектив - хор, который до сих пор поражает красотой и благородством звучания, твердыми устоями профессиональных принципов. Так вот; когда начались перебои с выплатой зарплаты, профессор Казачков выступил на ученом совете и сказал буквально следующее: «Мы работаем в консерватории не из-за денег. Да, это наш кусок хлеба, но мы знаем, что консерватория нам всегда помогала. И мы должны помочь ей. Я обращаюсь ко всем профессорам как к наиболее оплачиваемой части коллектива. Давайте временно перейдем на полставки, чтобы ректорат смог распределить часть наших денег среди молодых педагогов». Это, я считаю, акт гражданского мужества. Это – защита своего дела вопреки обстоятельствам. Мы должны уцелеть, мы должны взяться за руки и спастись как одна семья. Вот среди таких людей я работаю, поэтому выше

всего ценю доверие, а оно бывает только обоюдным. Этот коллектив меня воспитал, и я буду служить ему.

- Спасибо за интереснейший рассказ, Рубин Кабинович. Вы делаете прекрасное дело, и я уверена, что при вашем отношении к жизни у вас непременно все получится!

(Окончание следует)

Играем с начала. 2011. 8 апреля. URL: <http://gazetaigraem.ru/a2201104>